

О'Генри

Как скрывался черный Билл

Худой, жилистый, краснолицый человек с крючковатым носом и маленькими горящими глазками, блеск которых несколько смягчали белесые ресницы, сидел на краю железнодорожной платформы на станции Лос-Пиньос, болтая ногами. Рядом с ним сидел другой человек - толстый, обтрепанный, унылый, должно быть, его приятель, у обоих был такой вид, словно грубые швы изнанки жизни давно уже натерли им мозоли по всему телу.

- Года четыре не видались, верно. Окорок? - сказал обтрепанный. - Где тебя носило?

- В Техасе, - сказал краснолицый. - На Аляске слишком холодно - это не для меня. А в Техасе тепло, как выяснилось. Один раз было даже довольно жарко. Сейчас расскажу.

Как-то утром я соскочил с экспресса, когда он остановился у водокачки, и разрешил ему следовать дальше без меня. Оказалось, что я попал в страну ранчо. Домов там еще больше, чем в Нью-Йорке, только их строят не в двух дюймах, а в двадцати милях друг от друга, так что нельзя учуять носом, что у соседей на обед.

Дороги я не нашел и потащился напрямик, куда глаза глядят. Трава там по колено, а мескистовые рощи издали совсем как персиковые сады, - так и кажется, что забрел в чужую усадьбу и сейчас налетят на тебя бульдоги и начнут хватать за пятки. Однако я отмахал миль двадцать, прежде чем набрел на усадьбу. Небольшой такой домик - величиной с платформу надземной железной дороги.

Невысокий человек в белой рубашке и коричневом комбинезоне, с розовым платком вокруг шеи, скручивал сигаретки под деревом у входа в дом.

- Привет, - говорю я ему. - Может ли в некотором роде чужестранец прохладиться, подкрепиться, найти приют или даже какую-нибудь работенку в вашем доме?

- Заходите, - говорит он самым любезным тоном. Присядьте, пожалуйста, на этот табурет. Я и не слышал, как вы подъехали.

- Я еще не подъехал, - говорю я. - Я пока подошел. Неприятно затруднять вас, но если бы вы раздобыли ведра два воды...

- Да, вы изрядно запылились, - говорит он, - только наши купальные приспособления...

- Я хочу напиться, - говорю я. - Пыль, которая у меня снаружи, не имеет особого значения.

Он налил мне ковш воды из большого красного кувшина и спрашивает:

- Так вам нужна работа?

- Временно, - говорю я. - Здесь, кажется, довольно тихое местечко?

- Вы не ошиблись, - говорит он. - Иной раз неделями ни одной живой души не увидишь. Так я слышал. Сам я всего месяц, как обосновался здесь. Купил это ранчо у одного старожилы, который решил перебраться дальше на Запад.

- Мне это подходит, - говорю я. - Человеку иной раз полезно пожить в таком тихом углу. Но мне нужна работа. Я умею сбивать коктейли, шельмовать с рудой, читать лекции, выпускать акции, немного играю на пианино и боксирую в среднем весе.

- Так...-говорит этот недоросток. - А не можете ли вы пасти овец?

- Не могу ли я спасти овец? - удивился я.

- Да нет, не спасти, а пасти, - говорит он. - Ну, стеречь стадо.

- А, - говорю я, - понимаю! Сгонять их в кучу, как овчарка, и лаять, чтоб не разбежались! Что ж, могу. Мне, по правде сказать, еще не приходилось пастушествовать, но я не раз наблюдал из окна вагона, как овечки жуют на лугу ромашки, и вид у них был не особенно кровожадный.

- Мне нужен пастух, - говорит овцевод. - А на мексиканцев я не очень-то полагаюсь. У меня два стада. Можете хоть завтра с утра выгнать на пастбище моих баранов их всего восемьсот штук. Жалованье - двенадцать долларов в месяц, харчи мои. Жить будете там же на выгоне, в палатке. Стряпать вам придется самому, а дрова и воду будут доставлять. Работа не тяжелая.

- По рукам, - говорю я. - Берусь за эту работу, если даже придется украсить голову венком, облачиться в балахон, взять в руки жезл и наигрывать на дудочке, как делают это пастухи на картинках.

И вот на следующее утро хозяин ранчо помогает мне выгнать из корраля стадо баранов и доставить их на пастбище в прерии, мили за две от усадьбы, где они принимаются мирно пощипывать травку на склоне холма. Хозяин дает мне пропасть всяких наставлений: следить, чтобы отдельные скопления баранов не отбивались от главного стада, и в полдень гнать их всех на водопои.

- Вечером я привезу вашу палатку, все оборудование и провиант, - говорит он мне.

- Роскошно, - говорю я. - И не забудьте захватить провиант. Да заодно и оборудование. А главное, не упустите из виду палатку. Ваша фамилия, если не ошибаюсь, Золликоффер?

- Меня зовут, - говорит он, - Генри Огден.

- Чудесно, мистер Огден, - говорю я. - А меня - мистер Персиваль Сент-Клэр.

Пять дней я пас овец на ранчо Чиквито, а потом почувствовал, что сам начинаю обрастать шерстью, как овца. Это обращение к природе явно обращалось против меня. Я был одинок, как коза Робинзона Крузо. Ей-богу, я встречал на своем веку более интересных собеседников, чем вверенные моему попечению бараны. Соберешь их вечером, запрешь в загон, а потом напечешь кукурузных лепешек,

нажаришь баранины, сваришь кофе и лежишь в своей палатке величиной с салфетку да слушаешь, как воют койоты и кричат козодои.

На пятый день к вечеру, загнав моих драгоценных, но малообщительных баранов, я отправился в усадьбу, отворил дверь в дом и шагнул за порог.

- Мистер Огден, - говорю я. - Нам с вами необходимо начать общаться. Овцы, конечно, хорошая штука - они оживляют пейзаж, и опять же с них можно настричь шерсти на некоторое количество восьмидолларовых мужских костюмов, но что касается застольной беседы или чтобы скоротать вечерок у камелька, так с ними помрешь с тоски, как на великосветском файвоклоке. Если у вас есть колода карт, или литературное лото, или трик-трак, тащите их сюда, и мы с вами займемся умственной деятельностью. Я сейчас готов взяться за любую мозговую работу - вплоть до вышибания кому-нибудь мозгов.

Этот Генри Огден был овцевод особого сорта. Он носил кольца и большие золотые часы и тщательно завязывал галстук. И физиономия у него всегда была спокойная, а очки на носу так и блестели. Я видел в Мэскоги, как повесили бандита за убийство шестерых людей. Так мой хозяин был похож на него как две капли воды. Однако я знавал еще одного священника, в Арканзасе, которого можно было бы принять за его родного брата. Но мне-то в общем было наплевать. Я жаждал общения - с праведником ли, с грешником - все одно, лишь бы он говорил, а не блеял.

- Я понимаю, Сент-Клэр, - отвечает Огден, откладывая в сторону книгу. - Вам, конечно, скучновато там одному с непривычки. Моя жизнь, признаться, тоже довольно однообразна. Хорошо ли вы заперли овец? Вы уверены, что они не разбегутся?

- Они заперты так же прочно, - говорю я, - как присяжные, удалившиеся на совещание по делу об убийстве миллионера. И я буду на месте раньше, чем у них возникнет потребность в услугах сиделки.

Тут Огден извлек откуда-то колоду карт, и мы с ним сразились в казино. После пяти дней и пяти ночей заточения в овечьем лагере я почувствовал себя, как гуляка на Бродвее. Когда мне шла карта, я радовался так, словно заработал миллион на бирже, а когда Огден разошелся и рассказал анекдот про даму в спальном вагоне, я хохотал добрых пять минут.

Все в жизни относительно, вот что я скажу. Человек может столько насмотреться всякой всячины, что уже не повернет головы, чтобы поглядеть, как горит трехмиллионный особняк, или возвращается с гастролей Джо Вебер, или волнуется Адриатическое море. Но дайте ему только попасть немножко овец, и он будет кататься со смеху от какой-нибудь песенки, вроде "Барабан, не барабань, я не встану в эту рань" - и получать искреннее удовольствие от игры в карты с дамами.

Словом, дальше - больше. Огден вытаскивает бутылку бурбонского, и мы окончательно предаем забвению наших овец.

- Вы помните, - говорит Огден, - примерно месяц назад в газетах писали о нападении на Канзас-Техасский скорый? Было похищено пятнадцать тысяч долларов кредитными билетами, а проводник почтового вагона ранен в плечо. И, говорят, все это дело рук одного человека.

- Что-то припоминаю, - говорю я. - Но такие вещи случаются настолько часто, что мозг рядового техасца не в состоянии удержать их в памяти. И что ж, преступник был застигнут на месте преступления? Или изловлен, схвачен, предан в руки правосудия?

- Он удрал, - говорил Огден. - А сегодня я прочел в газете, что полиция напала на его след где-то в наших краях. Все похищенные банкноты были, оказывается, одной серии первого выпуска Второго Национального банка города Эспинозы. Проследили, где грабитель менял эти банкноты, и след привел сюда.

Огден наливает себе еще бурбонского и пододвигает бутылку мне.

- Что ж, - говорю я, отхлебнув глоточек этого царского напитка, - для железнодорожного налетчика не так уж глупо придумано - укрыться на время в здешней глуши. Овечья ферма, пожалуй, самое подходящее для этого место. Кому придет в голову искать такого отпетого бандита среди певчих птичек, барашков и полевых цветочков? А что, - говорю я, скосив глаза на Огдена и как бы приглядываясь к нему, - в газетах не было дано примет этого единоборца? Что-нибудь насчет объема, веса, линейных измерений, покроя жилета или количества запломбированных зубов?

- Нет, - говорит Огден. - Он был в маске, и никто не мог его хорошенько рассмотреть. Но установлено, что это известный железнодорожный бандит по кличке Черный Билл, потому что тот всегда работает один, и кроме того, в почтовом вагоне нашли платок с его меткой.

- Я одобряю Черного Билла, - говорю я. - Он правильно сделал, что спрятался на овечьем ранчо. Думаю, им его не найти.

- Объявили награду в тысячу долларов за его поимку, говорит Огден.

- На черта мне эти деньги, - говорю я, глядя мистеру овцеводу прямо в глаза. - Хватит с меня и двенадцати долларов в месяц, которые я у вас получаю. Я нуждаюсь в отдыхе. Мне бы только наскрести деньжат, чтоб оплатить билет до Тексарканы, где проживает моя вдовствующая матушка. Если Черный Билл, - говорю я, многозначительно глядя на Огдена, - этак месяц назад подался в эти края... и купил себе небольшое овечье ранчо и...

- Стойте, - говорит Огден и с довольно-таки свирепой рожей подымается со стула, - это что за намеки?

- Никаких намеков, - говорю я. - Я беру чисто гипотонический случай. Если бы, - говорю я, - Черный Билл забрел сюда и купил себе овечье ранчо и нанял бы меня нянчить его овец и играть им на дудочке, да поступал бы при этом со мной честно и по-товарищески, вот как вы, - ему бы не пришлось меня опасаться. Человек для меня

всегда человек, какие бы ни случались у него осложнения с железнодорожными поездами или с овцами. Теперь вы знаете, чего от меня ждать.

Лицо у Огдена стало черней кофейной гущи. Секунд девять он молчал, а потом рассмеялся.

- Вот вы какой, Сент-Клэр, - говорит он - Что ж, будь я Черным Биллом, я бы не побоялся довериться вам. А теперь давайте перекинемся в картишки... если, конечно, вам не претит играть с железнодорожным бандитом.

- Я уже выразил вам свои чувства в словесной форме, говорю я, - и притом без всякой задней мысли.

Тасуя карты после первой сдачи, я, как бы невзначай, спрашиваю Огдена, откуда он.

- О, - говорит Огден, - я с Миссисипи.

- Хорошенькое местечко, - говорю я. - Мне не раз приходилось там останавливаться. Только простыни немного сыроваты и насчет жратвы не густо. Верно, да? А я вот, говорю я ему, - с побережья Тихого океана. Может, бывали когда?

- Сплошные сквозняки, - говорит Огден. - Но если вам случится попасть на Средний Запад, сошлитесь на меня, и вам нальют кофе через ситечко и положат грелку в постель.

- Ладно, - говорю я. - Я ведь не хотел выведать у вас номер вашего личного телефона или девичью фамилию вашей тетушки, которая умыкнула пресвитерианского священника из Кэмберленда. Мне-то что. Я стараюсь только толковать вам, что в руках у вашего овчара вы - в полной безопасности. Ну, бросьте нервничать, червы пиками не кроют.

- Втемяшится же человеку, - говорит Огден и опять смеется. - А не кажется ли вам, что, будь я Черный Билл и явись у меня мысль, что вы меня подозреваете, я давно угостил бы вас пулей из винчестера и тем успокоил бы свои нервы, если бы они у меня расшалились?

- Не кажется, - говорю я. - Тот, у кого хватило духу в одиночку ограбить поезд, никогда такой штуки не выкинет. Я не зря пошатался по свету - знаю, что у них там насчет дружбы крепко. Не то чтобы я, мистер Огден, - говорю я ему, - состоя при вас овечьим пастухом, набивался вам в друзья. Но при менее мало благоприятных обстоятельствах мы, может, и сошлись бы поближе.

- Забудьте на время овец, прошу вас, - говорит Огден, - и снимите - мне сдавать.

Дня четыре спустя, когда мои барашки мирно полдничали у речки, а я был погружен в превратности приготовления кофе, передо мной появилась некая загадочная личность, стремившаяся изобразить из себя то, что ей хотелось изобразить. Она неслышно подкралась по траве, верхом на лошади. По одеянию это было нечто среднее между сыщиком из Канзаса, собачником из Батон-Ружа и небезызвестным вам разведчиком Буффало Биллом. Глаза и подбородок этого

субъекта не свидетельствовали о боевом опыте, и я смекнул, что это всего-навсего ищейка.

- Пасешь овец? - спрашивает он меня.

- Увы, - говорю я, - перед лицом такой несокрушимой проницательности, как ваша, у меня не хватает нахальства утверждать, что я тут реставрирую старинную бронзу или смазываю велосипедные колеса.

- Что-то ты, сдается мне, не похож на пастуха: и одет не так и говоришь не так.

- А вы зато говорите так, что очень похожи на то, что мне сдается.

Тут он спросил меня, у кого я работаю, и я показал ему на ранчо Чиквито в тени небольшого холма, милях в двух от моего выгона. После этого он сообщил мне, что я разговариваю с помощником шерифа.

- Где-то в этих краях скрывается железнодорожный бандит по кличке Черный Билл, - рапортует мне эта ищейка. - Его уже проследили до Сан-Антонио, а может, и дальше. Ты здесь не видал ли каких пришлых людей за истекший месяц, или, может, слышал, что появился кто?

- Нет, - отвечаю я, - если не считать того, который появился, говорят, в мексиканском поселке на ранчо Люмис, на Фрио.

- Что тебе известно про него? - спрашивает шериф.

- Ему три дня от роду, - говорю я.

- А каков с виду человек, у которого ты работаешь? допытывается он. - Старик Джордж Рэми все еще хозяйничает на своем ранчо? Он тут уже лет десять разводит овец, да что-то ему никогда не везло.

- Старик продал ранчо и подался на Запад, - сообщил я. - Другой любитель овец купил у него это хозяйство с месяц назад.

- А каков он с виду? - снова спрашивает тот.

- О, - говорю я, - он-то? Такой здоровенный, толстенный датчанин с усищами и в синих очках. Не поручусь, что он сумеет отличить овцу от суслика. Похоже, что старина Джордж крепко обставил его на этом деле.

Подкрепившись еще целой кучей столь же ценных сведений и львиной долей моего обеда, шериф отъехал прочь.

В тот же вечер я докладываю об этом посещении Огдену.

- Они оплетают Черного Билла цепкими щупальцами спрута, говорю я. И рассказываю ему о шерифе, и о том, как я расписал его этому шерифу, и что тот сказал.

- Э, что нам до Черного Билла, - говорит Огден. - У нас и своих забот довольно. Достаньте-ка из шкафа бутылочку, и выпьем за его здоровье. Если, - добавляет он со смешком, вы не слишком предубеждены против железнодорожных бандитов.

- Я готов выпить, - говорю я, - за всякого, кто умеет постоять за друга. А Черный Билл, - говорю я, - как раз, мне кажется, из таких. Итак, за Черного Билла и за удачу.

И мы выпили.

А недельки через две подошло время стрижки овец. Мне надо было пригнать их в усадьбу, где кучка кудлатых мексиканцев должна была наброситься на них с садовыми ножницами и остричь их наголо. И вот вечером, накануне прибытия парикмахеров, я погнал своих недожаренных баранов по зеленому лужку, по крутому берегу и доставил прямо в усадьбу. Там я запер их в корраль и пожелал им спокойной ночи.

После этого я направился к дому. Г. Огден, эсквайр, спал, растянувшись на своей узенькой походной койке. Как видно, его свалила с ног антибессонница или одолело противободствование или еще какой-нибудь недуг, возникающий от тесного соприкосновения с овцами. Рот у него был разинут, жилет расстегнут, и он сопел, как старый велосипедный насос. Вид его навлек на меня некоторые размышления.

"Великий Цезарь, - подумалось мне, - спи, захлопнув рот, и ветер внутрь тебя не попадет. Тобою кто-нибудь замажет щели, чтоб червяки чего-нибудь не съели".

Спящий мужчина - это зрелище, от которого могут прослезиться ангелы. Что стоят сейчас его мозги, бицепсы, чековая книжка, апломб, протекции и семейные связи? Он игрушка в руках врага, а тем паче - друга. И так же привлекателен, как наемная кляча, когда она стоит, привалясь к стене оперного театра в половине первого ночи и грезит просторами аравийских пустынь. Вот спящая женщина - совсем другое дело. Плевать нам на то, как она выглядит, лишь бы подольше находилась в этом состоянии.

Ну, выпил я две порции бурбонского - свою и Огдена, и расположился с приятностью провести время, пока он поживает. На столе у него нашлись кое-какие книжицы на разные местные темы - о Японии, об осушке болот, о физическом воспитании и немного табаку, что было особенно кстати.

Покури и насытив свой слух вулканическим храпом Генри Огдена, я невзначай глянул в окно в направлении загона для стрижки овец, где что-то вроде тропки ответвлялось от чего-то вроде дороги, пересекавшей вдали что-то вроде ручья...

Вижу - пять всадников направляются к дому. У каждого поперек седла ружье. Один из них - тот самый шериф, который тогда навел меня на стоянке.

Они приближаются с опаской, расчлененным строем, в полной боевой готовности. Присматриваюсь и определяю, который из них атаман этой кавалерийской шайки блюстителей закона и порядка.

- Добрый вечер, джентльмены, - говорю я. - Не угодно ли вам спешиться и привязать ваших коней?

Атаман подъезжает ко мне вплотную и вращает стволом своего ружья так, словно хочет поймать на мушку сразу весь мой фасад.

- Замри на месте, - говорит он, - и пальцем не шевельни, пока я не удовлетворю своего желания некоторым образом с тобой побеседовать.

- Замру, - говорю я, - слава богу, я не глухонемой зачем мне шевелить пальцами и оказывать неповиновение вашим предписаниям?

- Мы ищем, - сообщает он мне, - Черного Билла, который в мае месяце задержал экспресс на Канзас-Техасской и ограбил его на пятнадцать тысяч долларов. Сейчас мы обыскиваем всех подряд на всех ранчо. Как тебя зовут и что ты здесь делаешь?

- Капитан, - говорю я, - моя профессия - Персиваль Сен-Клэр, а зовусь я овчаром. Сегодня я загнал в этот корраль своих телят... то бишь овчат. Ищете... то есть брадобреи, придут завтра, чтобы причесать их, в смысле обкорнать.

- Где хозяин ранчо? - спрашивает атаман шайки.

- Обождите минутку, - говорю я. - Не было ли назначено какой-то награды за поимку этого закоренелого преступника, о котором вы изволили упомянуть, в вашем предисловии?

- За поимку и изобличение преступника назначена награда в тысячу долларов, - говорит тот. - За сообщение сведений о нем никакого вознаграждения никак не предусмотрено.

- Похоже не сегодня-завтра соберется дождик, - говорю я, глядя со скучающим видом в лазурно-голубое небо.

- Если тебе известно тайное убежище, дисклокация или псевдонимы Черного Билла, - говорит он на самом свирепом полицейском жаргоне, - ты ответишь перед законом за недонесение и укрывательство.

- Слышал я от одного прохожего, - говорю я скороговоркой нудным голосом, - что в одной лавчонке в Нуэсесе один мексиканец говорил одному ковбою, которого зовут Джек, что двоюродный брат одного овцевода недели две тому назад видел Черного Билла в Матаморасе.

- Слушай ты, мистер Язык-на-Привязи! - говорит капитан, оглядывая меня с головы до пят и прикидывая, сколько можно выторговать. - Если ты подскажешь нам, где захватить Черного Билла, я заплачу тебе сто долларов из моего собственного... из наших собственных карманов. Ты видишь, я щедр, - говорит он. - Тебе ведь ровно ничего не причитается. Ну, как?

- Деньги на бочку? - спрашиваю я.

Капитан посоветовался со своими молодчиками. Они вывернули карманы для проверки содержимого. Совместными усилиями наскребли сумму в сто два доллара тридцать центов и кучку жевательного табаку на тридцать один доллар.

- Приблизься, о мой капитан, - сказал я, - и внемли!

Он так и сделал.

- Я очень беден, и общественное положение мое более чем скромно, - начал я. - За двенадцать долларов в месяц я тружусь в поте лица, стараясь держать вместе кучу животных, единственное стремление которых - разбежаться во все стороны. И хотя я еще и не в таком упадке, как штат Южная Дакота, тем не менее, это занятие -

страшное падение для человека, который до сей поры сталкивался с овцами только в форме бараньих отбивных. Я скатился так низко по воле необузданного честолюбия, рома и особого сорта коктейля, который подают на всех вокзалах Пенсильванской железной дороги от Скрэнтона до Цинциннати: немного джина и французского вермута, один лимон плюс хорошая порция апельсинной горькой. Попадете в те края - не упустите случая испробовать на себе. И все же, - продолжал я, - мне еще не приходилось предавать друга. Когда мои друзья купались в золоте, я стоял за них горой и никогда не покидал их, если меня постигала беда.

- Но, - продолжал я, - какая тут к черту дружба? Двенадцать долларов в месяц - это же в лучшем случае шапочное знакомство. Разве истинная дружба может питаться красными бобами и кукурузным хлебом? Я бедный человек, у меня вдовствующая мама в Тексаркане. Вы найдете Черного Билла, говорю им я, - в этом доме. Он дрыхнет на своей койке в первой комнате направо. Это именно тот человек, который вам нужен. Я смекнул это из разных его слов и разговоров. Пожалуй, отчасти он все же был мне другом, и будь я тот человек, каким я был когда-то, все сокровища рудников Голдонды не заставили бы меня предать его. Но, - говорю я, - бобы всегда были наполовину червивые и к концу недели я вечно сидел без топлива.

- Входите осторожнее, джентльмены, - предупреждаю их я. - Он временами бывает очень несдержан, и, принимая во внимание его прежнюю профессию, как бы вам не нарваться на какую-нибудь грубость с его стороны, если вы захватите его врасплох.

Тут все ополчение спешивается, привязывает лошадей, снимает с передков орудия и всю прочую амуницию и на цыпочках вступает в дом. А я крадусь за ними, как Далила, когда она вела Вилли Стимлена к Самсону.

Начальник отряда трясет Огдена за плечо, и тот просыпается. Он вскакивает, и еще два охотника за наградами наваливаются на него. Огден хоть мал и худ, а парень крепкий и так лихо отбивается, несмотря на их численный перевес, что я только глазами хлопаю.

- Что это значит? - спрашивает он, когда им, наконец, удастся одолеть его.

- Вы попались, мистер Черный Билл, - говорит капитан, только и всего.

- Это грубое насилие, - говорит Огден, окончательно взбесившись.

- Конечно, это было насилие, - говорит поборник мира и добра. - Поезд-то шел себе и шел, ничем вам не мешал, а вы позволили себе запрещенные законом шалости с казенными пакетами.

И он садится Генри Огдену на солнечное сплетение и начинает аккуратно и симптоматически обшаривать его карманы.

- Вы у меня попотеете за это, - говорит Огден, изрядно вспотев сам. - Я ведь могу доказать, кто я такой.

- Это я и сам могу, - говорит капитан и вытаскивает у него из кармана пачку новеньких банкнот выпуска Второго Национального банка города Эспинозы. - Едва ли ваша визитная карточка перекричит эти денежные знаки, когда станут устанавливать индентичность вашей личности. Ну, пошли! Поедете с нами замаливать свои грехи.

Огден подымается и повязывает галстук. После того, как у него нашли эти банкноты, он уже молчит, как воды в рот набрал.

- А ведь ловко придумано! - с восхищением отмечает капитан. - Забрался сюда, в такую глушь, где, как говорится, ни одна душа живой ногой не ступала, и купил себе овечье ранчо! Хитро укрылся, я такого еще сроду не видывал, - говорит он.

Один из его молодчиков направляется в корраль и выгоняет оттуда второго пастуха - мексиканца, по прозвищу Джон-Смешки. Тот седлает лошадь Огдена, и вся шерифская шайка с ружьями наизготовку окружает своего пленника, чтобы доставить его в город.

Огден, прежде чем тронуться в путь, поручает свое ранчо Джону-Смешки и отдает всякие распоряжения насчет стрижки и пасения овец, словно рассчитывает вскорости вернуться обратно. А часа через два некто Персиваль Сент-Клэр, бывший овчар с ранчо Чиквито, отбывает в южном направлении на другой лошади, уведенной с того же ранчо, и в кармане у него лежат сто девять долларов - цена крови и остаток жалованья.

Краснолицый человек умолк и прислушался. Где-то вдали за пологими холмами раздался свисток приближающегося товарного поезда.

Толстый, унылый человек, сидевший рядом, сердито засопел и медленно, осуждающе покачал нечесаной головой.

- В чем дело, Окурок? - спросил краснолицый. - Опять хандришь?

- Нет, не хандрю, - сказал унылый и снова засопел. - А только этот твой рассказ мне что-то не нравится. Мы с тобой были приятелями пятнадцать лет с разнообразными промежутками, но я еще не видал и не слыхал, чтобы ты выдал кого-нибудь полиции, - нет, этого за тобой не водилось. А с этим парнем ты делил его хлеб насущный и играл с ним в карты - если казино можно назвать игрой, - а потом взял и выдал его полиции. Да еще деньги за это получил. Нет, никогда я от тебя такого не ожидал.

- Этот Генри Огден, - сказал краснолицый, - очень быстро оправдался, как я слышал, с помощью адвоката, алиби и прочих юридических уловностей. Ничего ему не случилось. Он оказал мне немало одолжений, и я совсем не рад был выдавать его полиции.

- А как же эти деньги, что нашли у него в кармане? спросил унылый.

- Это я их туда положил, - сказал краснолицый, - пока он спал. Как только увидел, что они едут. Черный Билл - это был я. Смотри, Окурок, поезд! Мы заберемся на буфера, пока он будет стоять у водокачки.

